

Самый памятный вечер

ГАРНИР БЕЗ ЖАРКОГО

Начав писать, я сначала читала свои рассказы только маме и моей задушевной подружке Верке.

Они им очень нравились. Однажды мама, которая жила в большой коммунальной квартире, сказала:

— Мне неясно, будут ли твои рассказы доходить до широких масс. У меня в квартире большая рабочая прослойка. Приди почитай, и пусть скажут свое мнение.

В субботу я пришла к маме и, когда все собрались в кухне, я, сев на подоконник, стала читать. Когда кончила, старый рабочий Максим Ильич сказал:

— Хорошо! Я с тобой и наплакался, и насмеялся. Ты, как чего новенького напишешь, читай нам, а то потом в писатели выйдешь — забудешь.

Рассказы понравились и медсестре Шуре Буланкиной, и ткачихе Настюше, и Розе Исаковне — курьерше из «Огонька», а инвалид Вася, самый неразговорчивый из всех соседей, стал рассказывать свои фронтовые случаи. И долго в этот вечер из кухни не расходились жильцы, удивляясь, как Вася может интересно рассказывать.

А утром к маме пришла Роза Исаковна и сказала, что у нее есть план: надо все отпечатать и отнести в «Огонек». У нее там есть знакомая курьерша, тонкий человек, она знает, как действовать. Мы так и сделали.

Через месяц «тонкая» курьерша сообщила, что мои рассказы в редакции понравились. Но вопрос о том, чтобы их печатать, не стоял. Курьерша сказала, что, возможно, к печати берут то, что не нравится.

Мама посоветовала мне сходить к Ивану Ивановичу — он наш самый умный знакомый. Иван Иванович прочел мои рассказы и сказал: «Надо посылать в журналы. И не такую ерунду печатают».

Мы разослали и с трепетом стали ждать ответа. Первый журнал прислал такой ответ: «Не без интереса прочли ваши рассказы, но вы не дотягиваете до толстого журнала».

Вечером мама, задумчиво глядя на меня, сказала:

— Правда, ты не дотягиваешь до толстого журнала — ты плохо питаешься.

Другой журнал ответил: «В ваших рассказах, безусловно, что-то есть, но многого не хватает...»

— Как жаль, — вздохнула мама, — что не написали, чего не хватает.

Еще ответ: «В ваших рассказах есть искренность и правдивость, но для нашего журнала этого недостаточно».

Иван Иванович дал мои рассказы читать двум знакомым писателям. Один сказал, что мои рассказы — это гарнир без жаркого, а другой сказал, что если бы я была Книппер-Чехова, то все давно бы напечатали...

— Пошли рассказы в «Юность», — посоветовал он, — там редактор любит женщин, он тебя напечатает.

Из этого журнала через два месяца мне позвонили по телефону и попросили зайти. Я сделала маникюр и пошла. К главному редактору меня не допустили. Симпатичная редакторша вернула мне рукопись, научно объяснив, что в моих рассказах нет ничего, что дает право называться рассказом. Говорила она это так сочувственно, так сердечно, что, если бы она только сказала: «Но принесите еще что-нибудь», — я принесла бы. Но она проводила меня до порога, и двери

«Юности» закрылись за мной плотно, не скрипя.

Я послала рассказы в «Московскую правду». Оттуда ответили, что я сделала грубейшую ошибку, не вложив в конверт с рассказами сопроводительной записки, и теперь редакция должна ломать голову: что я прислала — рассказы, фельетоны или просто новеллы.

Иван Иванович придумал:

— Сходи в ВТО, там есть секция чтецов, в ней интеллигентный человек с бородой, он за тебя схватится руками и ногами.

Человек с бородой, внимательно слушая мои рассказы, то совсем закрывал бородой лицо, то делал из бороды кисточку и щекотал ею в ушах, а потом заплел из бороды косу и сказал:

— Если я буду вашим режиссером, я сделаю из вас Андроникова.

Но я не хотела быть Андрониковым и обратилась за советом к директору ВТО Эскину, и он предложил мне выступить в Малом зале, а потом устроить обсуждение.

За неделю до назначенного вечера я зашла в ВТО за приглашениями билетами. Малый зал рассчитан на сто человек. Билетов было напечатано двести, а на оборотной стороне каждого стоял штамп: «На два лица». Я спросила:

— Что будет, если придут все?

Человек с бородой загадочно улыбнулся:

— Если на вас придет двадцать человек, будем считать, что вечер прошел хорошо. Вас же никто не знает.

Наконец наступил роковой вечер, но вовремя начаться он не мог, так как в зале не хватало стульев, а народ все шел. Человек с бородой пожимал плечами:

— Я не знал, что у вас так много родственников.

Читала плохо, все время думая, что я не Книппер-Чехова.

После выступления началось обсуждение. Почти все выступавшие сходились на том, что все это хорошо для родственников, что мне необходим режиссер и соавтор, а вообще лучше читать не свои рассказы, а хороших советских писателей, благо их так много. И когда человек с бородой встал, чтоб объявить, что вечер окончен, на сцену буквально выбежала рыженькая толстенная женщина с портфелем. Споткнувшись, она уронила портфель, из которого вывалились книги, тетради, косметика. Ничуть не смутившись за свою неловкость, она почти радостно сказала, будто все высказывания ошибочны, она уверена, что очень скоро появятся афиши Ауэрбах и публикации ее рассказов и что она лично такого удовольствия, как сегодня, не получала ни от Дмитрия Журавлева, ни от Эммануила Каминки. Тут все очень развеселились, а толстушка, посплав мне воздушный поцелуй, поспешила к выходу.

Так на этой веселой волне окончилось мое первое публичное выступление. Но через неделю мне позвонили из журнала «Театр» и пригласили зайти, взяв с собой рассказы, которые я читала в ВТО. И вскоре в журнале № 6 было опубликовано пять моих рассказов с прекрасным предисловием Юрия Нагибина, которое мама постоянно перечитывала своим друзьям и утверждала, что это предисловие — лучшее произведение Нагибина.

Е. АУЭРБАХ.